

УДК 316.422; 316.334.3

СМЫСЛ СОЦИАЛЬНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ ИНИЦИИРОВАННЫХ ЧЕЛОВЕКОМ

Т. И. Грицкевич

THE SENSE OF THE SOCIAL CHANGES INITIATED BY PEOPLE

T. I. Gritskevich

В статье анализируются основные причины, предопределяющие потребность человека в социальных изменениях, которые позволяют дать социально-философское понятие смысла совершаемых субъектом преобразований в обществе.

The paper analyses the main reasons that predetermine the human need for social changes and allow us to determine the sense of the changes initiated by a subject from social philosophic point.

Ключевые слова: социальные изменения, проблемы осмысления антропологической потребности преобразований, парадоксы опыта, неопределенность и управляемость.

Keywords: social changes, problems of conceptualising the anthropological need for changes, practice paradox, ambiguity and manageability.

Не случайно главным вопросом социальной философии является вопрос, что есть человеческое общество и как оно изменяется. В поисках смысла изменений многие мыслители видели причины, которые были доступны их взору в тех исторических реалиях, которые задавали рамки проявленности самого феномена социального бытия. Несомненно, многие из теоретических построений оказали существенное влияние на осознание людьми существенных причин изменений в обществе, но все же больше они повлияли на формирование понятийных категорий, с помощью которых гуманитарные науки описывают социальную реальность. И это смыслообразование, процесс осознания динамичности общества, его изменения играет для человечества особую роль – неоспоримую важность осознания человеком себя как субъекта истории. Эта духовная потребность, на наш взгляд, усиливается к концу XX – начала XXI века наличием следующих причин:

– к первой группе причин относятся факторы и проблемы изменения качественных параметров социальной реальности. Они проявляются в сложных изменениях структурной организации человеческих обществ и в смене темпов социального движения и развития;

– вторая группа определяется наличием существенных отличий в истории разных обществ, возникающих в результате неоднородности социального развития стран и народов в едином потоке всемирной истории. Подобная неоднородность сама по себе является позитивным фактором, свидетельствующим о многообразии и вариативности процесса развития общественных институтов у различных народов, но, в то же время, данная неоднородность является источником проблем культурно-исторического осознания и методологического описания существенных факторов изменения качественного и количественных параметров социальной реальности. Ведь сами по себе социальные изменения не будут иметь ценности, пока они будут не осознаны, не зафиксированы мыслительным взором и не будут проанализированы в рамках причинно-следственных связей. Отсюда будет ценным

осознание неоднородности культурно-исторического развития народов в различных теориях плодотворного взаимодействия стран и народов: в идеях культурно-исторических типов цивилизаций; либо в концепциях доминирования одной или нескольких стран, использующих собственные геополитические ресурсы; либо в теориях антагонистических конфликтов, «битвы цивилизаций» и противостояния (вызов-ответ); либо в описании феноменов, таких как азиатский способ производства в марксизме, не вписывающихся в единую систему представлений о социально-экономическом развитии. Поэтому многим обществоведам приходится считаться с «соприсутствием» в одном историческом пространстве разнородных социальных организмов и опираться на предложенное Ф. Броделем и И. Валлерстайном понимание миросистем и время-пространств. Несомненно, что неоднородное развитие само по себе порождает региональную или глобальную нестабильность, особенно экономическую;

– третья группа представлена комплексом противоречий, проблем и даже парадоксов, связанных с неадекватным и поверхностным пониманием существующих тенденций развития современных нам цивилизаций (европейского и азиатского мира, постиндустриальных стран и стран индустриальных, догоняющих и традиционных обществ);

– четвертая группа объединяет проблемы, возникающие в условиях процесса глобализации и под ее воздействием в трансформациях социальной реальности глобализирующихся стран;

– пятая группа причин, определяющая значимость избранной темы диссертационного исследования, связана с необходимостью перевода спонтанного процесса саморазвития социальной системы в управляемый процесс со стороны человека. Несомненно, это дает возможность изменять социальные отношения, социальные институты или связи согласно антропологическим потребностям, дает возможность усиливать те позитивные тенденции, которые направлены на благо большинства членов общества и позволяют воссозда-

вать механизмы полноценного воспроизводства человека и его интеллектуальной и материальной культуры.

Многогранность постижения смысла и сущности социальных изменений в осмыслении человеком социального устройства полагает в своей основе миропонимание, сформированное наличной социально-культурной средой. Все основные вопросы, помогающие направить путь поиска смысла, ведут к классическим социально-философским темам «что есть общество?», «что есть человек в обществе?», «в чем смысл человеческой деятельности?».

Социально-философское ограничение человеческой индивидуальности только границами феноменального социального мира, отрицание трансцендентности сознания и дорефлексивного *cogito*, наблюдение в человеке только ансамбля интересующих социальных отношений приводит к признанию полной зависимости и детерминированности личности только социальной реальностью, в которой она находится. Это, в свою очередь не может не обеднять и не упрощать представления о человеке и обществе, поскольку здесь все сводится к чувственным эмпирическим явлениям и, как следствие, отрицанию духовной сущности, являющейся неотъемлемой составляющей личностного бытия в обществе. Во многих мировоззренческих позициях современных мыслителей констатируется множественность и амбивалентность образов человека и концепций общества.

Сложность социально-философского постижения сущности и смысла социальных изменений заключается в том, что оно не может быть объективировано в полной мере. Как известно, любое определение предмета задает границы, пределы того, что оно пытается описать или зафиксировать. И конечно, ни одна концепция или теория не может быть удовлетворяющей до конца, когда речь заходит о взаимодействии человека и общества или о сущностных характеристиках общества. Всегда будет оставаться впечатление о незавершенности и недосказанности, и это вполне логично, так как такое сложное и полифоничное явление как общество и его сущность не может иметь однозначной и простой оценки, только потому, что общество немислимо без бытия личности. Особенность философии, как известно, заключается в том, что она пытается дать предельные универсальные понятия бытия общества и человека.

Л. Выготский говорит о существенной роли опосредования. Иными словами, между двумя бытовавшими ранее полюсами «индивид-социум» встает посредник, некий третий компонент, который преобразует понимание первых двух. В анализе психических процессов человека таким третьим компонентом Л. Выготский выделял деятельность. С введением этого понятия культура общества сразу же перестает быть нагромождением неодушевленных материальных предметов, а становится причудливой системой идеально-материальных артефактов. То есть таких технологий осуществления деятельности по созданию новых предметов, которые не существовали ранее и, которые сложно детально описать как осуществляющийся процесс с целью обучения других людей этой

новой деятельности. Так и общество становится не совокупностью абстрактных индивидов, а опосредованной деятельностью человека, системой субъект-объектных отношений. И сам индивид с его психикой уже предстает не изолированной сущностью с неизменными потребностями, а квинтэссенцией палитры своей деятельности и разнообразия общественных отношений. Л. Выготский подчеркивал, что «всякая функция в культурном развитии ребенка появляется на сцене дважды, в двух планах, вначале – социальном, потом – психологическом, сперва между людьми как категория интерпсихическая, затем внутри ребенка как категория интрапсихическая ... но, разумеется, переход внутрь трансформирует сам процесс, изменяет его структуру и функции. За всеми высшими функциями, их отношениями стоят социальные отношения, реальные отношения людей». И еще, «хотя обезьяна проявляет умение изобретать и употреблять орудия... этот вид поведения не является основой приспособления обезьяны... Не то с человеком. Все существование австралийского дикаря зависит от его бумеранга, как все существование современной Англии зависит от ее машин. Отнимите от австралийца его бумеранг, сделайте его земледельцем – он по необходимости изменит весь свой образ жизни, свои привычки, весь образ мыслей, всю свою природу» [3, с. 163].

Такой подход, несомненно, ставит ряд серьезных проблем в поиске смысла социальных изменений. Во-первых, возникает проблема вариативности деятельности, направленной на социальные изменения, как артефакта и нового способа деятельности, ранее не применяемого и не присущего человеку от рождения. Очевидно, что в соответствии с различными видами такой деятельности будут возникать и различные артефакты. Так есть просто материальные предметы, подвергнутые деятельности обработке. Совсем иное – способы действия с орудиями труда или более сложные артефакты-способы деятельности по намеренному воздействию на социальные связи, институты, отношения индивидов, которые в сути меняют взаимосвязи и взаимодействия элементов сложной социальной организации, то есть выступают преобразовательной деятельностью, в которой объект преобразования – социум и его составляющие.

Во-вторых, встает проблема увязывания этих артефактов-способов преобразовательной деятельности человека и их взаимоотношений. Действительно, как располагаются между собой возможности и параметры их воздействия на социальную реальность, каковы возможные уровни проявления изменений? Что первично в этом процессе, а что вторично? Каковы причины и каковы возможные последствия, каковы альтернативы, не реализованные в данном процессе?

В-третьих, как отдельные виды преобразовательной деятельности могут увязываться в отдельные последовательности, сценарии, модели и вести от одного планируемого результата к различным вариациям, изменяющимся в процессе осуществления? Таким образом, третья проблема – это проблема задуманного, реализуемого и достигнутого. Очень часто в осуществлении преобразований, организаторы процесса не

обучают как преобразовывать, а просто контролируют контекст этой деятельности. Ведь действие есть часть подсистемы, а не продукт или следствие того, что остается от контекста, когда из него вырезали то, что мы хотим объяснить. И, тем не менее, возникает дилемма что первично: деятельность или ее контекст (адекватное понимание смысла преобразовательной деятельности как контекста или привычное, определяемое непосредственной социальной практикой понимание как контекст)? Сама преобразовательная активность или ее смысл, осознание?

В-четвертых, есть проблема выделения творческого потенциала преобразовательной деятельности. Что именно выделяет ее от механически-стереотипной деятельности и делает ее неповторимой, разовой в решении поставленных социальных задач? Легко сказать, что все зависит от воспитания (социальной среды), но кто воспитывал воспитателя? Если психика имеет социальное происхождение, то как в результате психических процессов опосредования появляется потребность в преобразовании и появляются представления о механизме таких изменений?

И в-пятых, остается проблема классификации видов и осмысления особенностей осуществления преобразовательной деятельности, направленной на социальные изменения.

Понятие «изменение» является философской категорией и используется обществоведами в качестве родового понятия, несущего в себе наиболее существенные признаки пространственно-временного состояния материи. Философский анализ дан и составляющим процесса социальных изменений. «Изменение» является составной частью процесса другого качества и масштаба – развития. Последнее отличается тем, что проявляется как последовательное, необратимое, закономерное изменение.

Понятие «развитие» часто употребляют в качестве совокупного обозначения как «процесса», так и «изменения», поскольку развитие есть процесс, а изменение атрибут любого развития материи [8, с. 202, 479 – 480]. «Процесс» в общенаучном смысле означает «всякое длительное, последовательное дело», «ход, развитие какого-нибудь явления, последовательную смену состояний», «тесную связь закономерно следующих друг за другом стадий развития, представляющих непрерывное единое движение». Универсальным признаком процесса выступает взаимодействие его сторон, элементов. Указывая на это, П. Сорокин отмечал, что взаимодействие есть процесс родовой, свойственный всему миру неживой и живой природы [5, с. 28]. Одной из форм проявления процесса, его первичным элементом, указывающим на смену количественных и качественных характеристик, является изменение. Это то, что появится через некоторое время, т. е. череда состояний, переход из одного качественно определенного бытия в качественно другое бытие [4, с. 80].

Процессы, происходящие в обществе, отличаются от природных процессов. В анализе содержания понятия «социальный процесс» различают: процесс социального функционирования, обеспечивающий воспроизводство качественного состояния объекта и

процесс социального развития, обуславливающий переход объекта к качественно новому состоянию. Процесс социального развития может быть прогрессивным и регрессивным, эволюционным и революционным [6, с. 276 – 277, 304]. Социальный процесс характеризуется деятельностью людей, их взаимодействием на основе определенных интересов, зависимостью людей друг от друга в ходе такого взаимодействия, различными механизмами и методами его регулирования. Когда речь идет об изменениях, к которым большинство людей способны адаптироваться, то вопрос, почему и зачем такие изменения, не возникает. Такие вопросы особо актуальны в периоды быстрых неконтролируемых изменений в социальной системе. В субъектно-центристской концепции миропонимания, четко сформулированной в работах Ю. М. Федорова, становление Человека проходит ряд филогенетических стадий, где социогенез является производным от космогенеза и антропогенеза [7]. Космогенез Человека положил начало его предыстории, история человечества начинает свой отсчет от «начальной точки» антропогенеза и история общества восходит уже к истокам социогенеза. Но это уже не история Феноменального Человека, и не история человека общественного, а история социального универсума.

В этой связи будет уместным выделение в содержании понятия социальное изменение двух смыслов в употреблении в качестве научной категории. Первый смысл определен *содержанием процесса системных изменений объективной реальности как единства естественной и социальной среды и системных преобразований, вызванных неосознанной коллективной деятельностью человеческих сообществ* в ходе становления полного качества человечества как рода через процесс развития уровней структурной организации социума. Здесь социальные изменения определены рамками необходимого допущения преобразований самой социальной системой с целью реализации важной её функции – функции воспроизводства и самосохранения. Второй смысл *определен содержанием анализа движущих сил процесса социальных изменений – активностью, деятельностью субъекта, класса, нации*. В этом социальные изменения определены возможностью и способностью (человеческий потенциал, определяющий социальное качество общества) субъективного воздействия на социальную систему с целью конкретных изменений.

Последнее время взаимодействие социума и отдельного человека понимается отнюдь не в позитивном или прогрессивном смысле. Ю. М. Федоров утверждает, что если и можно говорить всерьез об истории нецелостного, частичного человека, именуемого социальный субъект, то лишь имея в виду, что по своему содержанию она есть не что иное, как процесс его перманентного социального самоотчуждения и онтологического вытеснения. [7, с. 216 – 220, 238]. Ведь диалектико-материалистическая концепция истории представила её как процесс эволюции средств производства и человек вписан в историю как производительная сила. Представления о социализации утвердили в человеческом самосознании идеологему о первичности социогенеза в исторической эволюции

Человека. Однако все формы генезиса берут свое начало в человеческой предыстории. Каждый раз в расширяющемся мироздании возникает такая онтологическая ситуация, когда еще не завершился один вид человеческого генезиса, а его по темпам развития уже начинает обгонять другой вид генезиса. Социальный универсум является промежуточной универсальной целостностью, заключенной между человеческим и природным универсумами. Общественное бытие человека выступает уже не суверенным способом его существования, а всего лишь социально-статусной формой его присутствия при жизнедеятельности общества. Иерархия социальных форм человеческих присутствий образует целостный каркас функционирования общества нормативами внешнего должностования. Именно нормы, как элементы социальной технологии, дробят человеческую феноменальность и уникальность на социальные роли и объективированные социальные позиции. В итоге объективированная форма владения своими собственными отчужденными субъективациями обуславливает перманентное вырождение социального субъекта в рядовую социальную функцию, способную к замещению на чисто технологическую функцию.

Трагедия социального субъекта заключается не в том, что он вынужден осуществлять деятельность (в рамках его социальной бытийственности она позитивна), а в том, что её отчужденную и гипертрофированную социальную форму он чаще всего культивирует в качестве чуть ли не единственного способа воспроизводства своей многомерной экзистенции. Антропологическая потребность в социальных изменениях исходит из потребности человека создавать, а не приспосабливаться к наличной социальной среде. Другое дело, что созидание ограничивается все более и более с усложнением структурно-функциональной организации социума. Ограничение является одним из ведущих смыслов процесса социализации. Не случайно З.Фрейд придавал огромное значение влиянию последствий табуирования культурой природных потребностей человека [9]. Нельзя забывать, что в мире сложных социальных организаций человек существо духовное. И как духовное, психическое существо человек старается наделить смыслом сами процессы социальных изменений.

Справедливо считал Н. Бердяев, что история оказывается особой реальностью. «Мир» обнаруживает свою несамостоятельность, он оказывается порождением нашего греха, рабства и несвободы. Мир теряет свое абсолютное значение для духа и поэтому должен быть разрушен, преодолен. Освобождение от власти неистинного мира есть творческий акт человека, и смысл мира отрывается лишь через него [1, с. 29]. Только божественная природа в состоянии создавать новое из ничего и если человек – образ и подобие Божества, то ему так же присуща способность созидать. Свобода не детерминирована Творцом, следовательно, зло происходит не от Бога, оно является продуктом человеческой свободы. Корень зла заключается в объективации результатов творчества [2, с. 269]. Когда у человека нет возможности творчества он сознает

свою ограниченность, нищету, которую он определяет как несправедливость. Она ощущается тем острее, чем больше воспринимаемая разница между ценностными ожиданиями (условиями жизни, которые, как полагает человек, он заслуживает по справедливости) и ценностными возможностями (условиями, которые в действительности человек может получить).

Мы понимаем невозможность отразить в статье всю полноту и богатство идейного содержания пути поиска смысла и сущностных характеристик всего многообразия человеческого опыта социальных изменений. Различные теории, концепции и представления о механизмах изменений в обществе вносят свою лепту в понимание сложного макроисторического процесса развития общества, но они оставляют нам не разрешенными пять парадоксов. Первый относится к возникновению революций. Сегодня многочисленные теории дают нам понимание многочисленных детерминант, факторов и сил, обуславливающих существенные обстоятельства, от которых зависит результат революции. Одни анализируют механизмы поведения людей (мотивы, намерения, идеи), другие социально-культурные аспекты и экономические потребности развития системы общества. Ясно, что революции происходят тогда, когда каким-то уникальным образом соединяются многие факторы. Но парадокс в том, что описывая эти факторы, мы не можем с уверенностью определить в каком количестве, в каком сочетании и при каких условиях все же будет революция.

Второй парадокс связан с пониманием феномена активности людей, поддерживающих изменения и ждущих реальных результатов. Чем объяснить взрыв участия, преодоление барьера апатии, пассивности в определенное историческое время и терпение лишений в другое время? Чем объяснить выбор большинства членов общества одну из форм изменений: путь реформирования или модернизацию в той или иной подсистеме общества или активное участие в революции?

И, поэтому третий парадокс связан с тем, как возможно теоретически рассчитать или предугадать в определенный исторический момент развития общества проявление уникальной комбинации переплетающихся процессов в политике, экономике, культуре, ведущей к возникновению нового исторически неповторимого феномена изменений. Ведь ни одна из революций не дублирует предшествующие, а опыт практики реформирования так разнообразен, что правомерно описывать разновидности реформ.

Следующий парадокс связан с наследием опыта, приобретенного человеком как макросубъектом, активно участвующем в преобразовании. Как влияет наследие, осмысление опыта изменений на последующие преобразования? Являются ли те или иные формы преобразований отдельными эпизодами со своей уникальной причинностью или они подчинены определенной последовательности и имеют свою цикличность? Можем ли мы достоверно увидеть и осмыслить феномен являющегося?

Само осмысление результатов процессов изменений формирует пятый парадокс. Исследователи очень по-разному оценивают и фиксируют итоги процесса

изменений. Много объективно непостижимо и не всегда видны побочные последствия изменений. А когда они осознаны, то возможности корреляции процесса социальных изменений утрачены. Вот и сталкиваемся мы с феноменом мифологизации опыта революции, модернизации или реформирования. Миф об успешности используется как идея в мотивации деятельности тех, кто несет на своих плечах активность в изменении, а по прошествии времени, осознав невозможность достижения целей, рушатся и мифы. И те, кто был оплотом революции, уже не герои, а кто был разработчиком реформ, становится недалеким политиком. Парадокс исторической оценки результатов изменений лежит в психологии восприятия исследователями того опыта преобразований, который может быть им доступен. А что влияет на психологию восприятия исследователя?

Мы не случайно заговорили о парадоксах. Этот ракурс позволяет отчетливо понять то, что, несмотря на разнообразие теорий, концепций и взглядов, единого мнения и универсальной теории описания сущ-

ности форм социальных изменений, вызванных осознанной целенаправленной деятельностью человека или неосознанной не будет. Не будет сформировано единое понимание сущности и смысла изменений, но мы всегда можем из многообразия мнений выбрать то, которое будет созвучно нашим ожиданиям в социальной практике и консолидировать людей в правильности антропологической установки, что изменения в обществе осуществляются согласно развивающимся потребностям человека. «Общество для человека» – постулирует многие идейные искания в смысле и сущности процессов изменений общества. Человек XX и XXI веков хочет управлять изменениями, быть активным субъектом истории находить созидательный смысл в начатых им преобразованиях. Но все же, здесь уместно процитировать Н. Бердяева. Корень зла заключается в объективации результатов творчества человека. «Все продукты творчества не соответствуют творческим замыслам и не удовлетворяют. В этом горечь творчества» [2, с. 359].

Литература

1. Бердяев, Н. А. Смысл истории / Н. А. Бердяев. – М.: Мысль, 1990.
2. Бердяев, Н. А. Философия свободы. Смысл творчества / Н. А. Бердяев. – М.: Наука, 1989.
3. Выготский, Л. С. Генезис высших психических функций / Л. С. Выготский. – М.: Наука, 1965.
4. Сорокин, П. Социальная и культурная динамика / П. Сорокин. – СПб.: Наука, 2000.
5. Сорокин, П. Человек. Цивилизация. Общество / П. Сорокин. – М.: Наука, 1992.
6. Социологический энциклопедический словарь. На русском, английском, немецком, французском, чешском языках / ред.-коорд. академик РАН Г. Осипов. – М.: ИНФРА·М-Норма, 1998.
7. Федоров, Ю. М. Сумма антропологии. – Кн. 1 – 2 / Ю. М. Федоров. – Новосибирск: Наука: Сибирская издательская фирма РАН, 1995. – 858 с.
8. Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. – 7-е изд., перераб. и доп. – М.: Республика, 2001.
9. Фрейд, З. Тотем и табу. Психология первобытной культуры и религии / З.Фрейд. – СПб.: Олимп, 1997. – 346 с.

Информация об авторе:

Грицкевич Татьяна Игоревна – доктор философских наук, профессор кафедры философии КемГУ, 8(3842) 58-32-31, taigree@yandex.ru.

Tatiana I. Gritskevich – Doctor of Philosophy, Professor at the Department of Philosophy, Kemerovo State University.